

Проф. В. И. Авдиев

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ (1917 — 1957 гг.)

Русские ученые сделали большой и ценный вклад в дело изучения истории и культуры древневосточных народов. Широкую известность получили труды В. С. Голенищева в области истории древнеегипетской литературы и письменности, работы акад. Б. А. Тураева по египтологии и истории древнего Востока, труды М. В. Никольского, пролившие новый и яркий свет на хозяйственное развитие древней Месопотамии. Но только после Октябрьской революции советские ученые получили полную возможность отдать все свои силы плодотворной работе в области исторической науки, в частности истории древнего Востока. Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая перед советскими народами огромные перспективы социалистического строительства, дала мощный толчок развитию культуры и науки в нашей стране. Наряду с другими гуманистическими науками, историческая наука под влиянием марксистско-ленинской методологии стала постепенно превращаться в подлинную марксистскую науку. Советские историки, идя по тому пути, который был указан основоположниками и корифеями марксистской исторической науки в их классических трудах, стали постепенно создавать советскую историческую науку. Не осталась в стороне от этой большой творческой работы и древняя история, в частности история древнего Востока.

Эта отрасль исторической науки значительно расширилась за последние годы. Большие раскопки, произведенные на территории Египта, Передней Азии, Индии и Китая, раскрыли ряд новых страниц в истории человечества. Под заступом археологов открылись новые города, историкам стали известны новые, доселе неведомые народы и государства древности. В свете этих открытий пришлось заново перестроить целые разделы истории древнего Востока. Наряду с этим перед советскими историками встали важнейшие, принципиальные проблемы, связанные с возникновением классового общества, древнейшей формы классовой эксплуатации и древнейшего государства. Правильное разрешение этих проблем тесно связано с учением марксизма-ленинизма о прогрессивном развитии социально-экономических формаций и поэтому имеет принципиальное значение для развития всей исторической науки, в частности для истории древнего Востока.

Развитие советской археологии в значительной степени расширило кругозор историков древнего Востока, дав им возможность на основе нового археологического материала не только поставить, но и разрешить ряд исторических проблем. На территории СССР, в Закавказье и в Сред-

ней Азии были произведены раскопки, давшие ценные научные результаты. Урартские надписи, развалины архитектурных сооружений и памятники материальной культуры, найденные на территории советской Армении, дали возможность историкам гораздо глубже, чем раньше, изучить историю Урарту, древнейшего рабовладельческого государства, возникшего на территории Закавказья и прилегающих областей. Все эти новые материалы позволили установить, что древний Кавказ был тесно связан с Урартским царством и культура древнего Кавказа с урартской культурой. Поэтому особенный интерес представляет изучение урартских памятников, найденных на территории СССР. Уже в 1924 г. была начата регистрация древностей на территории Армении с целью составления археологической карты. В 1934 г. Государственный Эрмитаж направил археологическую экспедицию для изучения древней крепости на южном берегу озера Севан. Но наиболее значительные раскопки были произведены Б. Б. Пиотровским, который с 1939 г. весьма успешно раскапывает холм Кармир-Блур, у Еревана, на левом берегу р. Занги. Здесь были частично вскрыты остатки большого урартского города, носившего название Тейшебаини, остатки дворца урартского правителя, наконец, множество памятников материального быта, произведений искусства, предметов религиозного культа и даже некоторые надписи, в частности на обломках глиняных табличек и на бронзовых предметах (шлемах, колчанах, щитах и чашах), наконец, представляющие большой интерес клинообразные и гиерогlyphические обозначения емкости на больших сосудах, служивших для хранения вина. Раскопки Кармир-Блура прошли очень яркий свет на жизнь урартского административного центра Тейшебаини в VIII—VI вв. до н. э.; в кладовых города были найдены интереснейшие памятники, относящиеся к VIII в. до н. э. Больше того, они дали обильный материал для изучения вопроса о связях между культурой Урарту и других древневосточных стран, а также о взаимоотношениях урартов со斯基фами. Найденные в Тейшебаини ассирийские печати и бусы, египетские амулеты, малоазийские и средиземноморские печати и серьги, несомненно, указывают на те связи, возможно торговые, которые соединяли страну Урарту с другими странами и народами древнего Востока. Много элементов роднит культуру урартов с культурным развитием других древневосточных народов. Наружная стена дворца в Тейшебаини несколько напоминает стены ассирийских построек, а также храма дворца Капара в Тель-Халафе.

Планировка комнат дворца в Тейшебаини похожа на расположение комнат во дворцах древней Месопотамии. Для освещения применялись световые колодцы, как в ассирийских дворцах. Крыша напоминала крышу зиккурата. Остатки канализационной системы позволяют сравнивать большое здание в Кармир-Блуре с более древним дворцом в Мари. Эти аналогии подтверждаются и отдельными находками. Крупный бронзовый гвоздь, служивший для прикрепления драпировок к стенам, напоминает ассирийские «зиггаты». Железные удила из Кармир-Блура близки к ассирийским образцам из Ашшура и Калаха. Очень интересны найденные в Кармир-Блуре урартские печати с изображением льва, полумесяца, лежащего грифона, крылатого солнечного диска бога Ашшура, людей и деревьев, а также 8 ассирийских печатей с изображениями, главным образом, мифологического характера. Находки в Кармир-Блуре позволили установить исконные связи жителей Тейшебаини как с соседними древневосточными народами, так и с местными племенами Закавказья. Если железные изделия, близкие к урартским, указывают на распространение под урартским влиянием железа, то бронзовые вещи говорят о наличии местной техники изготовления бронзы.

Начиная с 1947 г. начато было обследование холма Аринберд, около Еревана. Раскопки обнаружили здесь в развалинах урартской крепости остатки стенной росписи и клинообразные надписи с именами урартских царей Аргишти I и Сардури II (VIII в. до н. э.). Нет никакой возможности даже перечислить все интересные предметы, найденные при раскопках Кармир-Блура и Аринберда. Несомненно, богатые результаты этих раскопок представляют большой интерес для науки и дают новые ценные материалы при изучении вопроса о развитии урартской культуры и проникновения урартов в Закавказье, а также дают возможность характеризовать уровень развития культуры древнейших племен Закавказья в эпоху урартских нашествий. Особенно богат материал, касающийся строительной техники, архитектуры, керамики, металлургии, земледелия, военного дела и искусства. Все эти данные позволяют выяснить взаимоотношения между древним Кавказом и древним Востоком.

Огромное научное значение имели также раскопки, производившиеся Б. А. Куфтиным в Цалкинском районе, в долине р. Храмы в местности Триалети (Грузия). Здесь был раскопан ряд могильников и курганов и обнаружен ряд замечательных предметов, которые дали возможность изучить культуру Закавказья во II тыс. до н. э. и установить культурные связи, соединявшие Кавказ с древним Востоком. Особенный интерес в этом отношении представляют предметы, найденные в кургане № 8: золотая буса, инкрустированная оранжевым сердоликом и зернистым обрамлением, агатовый кулон в золотой оправе и золотые висячие завитки, которые можно сравнить с аналогичными драгоценностями из царских гробниц в Уре и в Уруке. Среди драгоценных предметов, найденных в Триалети, выделяются два сосуда из серебра, на одном из которых изображена культовая сцена, может быть, связанная с ритуалом изготовления и раздачи священного напитка бессмертия. Далее, интересна четырехколесная повозка, найденная в Цалке. Эта погребальная колесница с 4-мя дисковыми дубовыми колесами и вертикально поднимающимися стенками кузова очень напоминает деревянные колесницы, которые были найдены в некрополе Ура. Чечевицеобразные колеса цалкинской колесницы очень близки к колесам маленьких глиняных моделей колесниц из Киша, а также к бронзовой модели четырехколесной повозки из Сирии, находящейся в Стокгольмском музее. Столь же тесно связаны с древневосточным миром и более поздние предметы, в частности обнаруженные в Алгетском погребении. Здесь были найдены орнаментированные пластинки из электрума, служившие накладками на рот и глаза покойника, перстни, браслеты, булавки и пряжки, удила и псалии, серебряная обивка, бронзовый треножник, бронзовое блюдо, серебряные блюда и т. п. Тип этого погребения близко примыкает к ахалгорийскому кладу и может быть отнесен к кругу ахеменидского искусства V—IV вв. до н. э. Если серебряные сосуды из Ахалгори и Алгети близки к иранским образцам, то остальные вещи Алгетского погребения тяготеют в сторону Западной Месопотамии, Сирии и даже Кипра. Таковы ромбические пластинки, таков и мотив крылатого грифона на перстнях из Алгети и Ахалгори.

Таким образом, раскопки советских археологов дали возможность связать значительно теснее, чем ранее, историю и культуру древнейших племен Кавказа с историческим развитием народов и государств древнего Востока и дали советским историкам материал, позволивший по-новому осветить ряд важнейших проблем древневосточной истории.

В этом отношении большой интерес представляют труды Б. А. Куфтина, Е. И. Крупнова, А. А. Иессена, Г. А. Ломтадзе, А. Н. Колонгадзе, К. Л. Оганесяна. Труды Б. Б. Пиотровского по археологии Закавказья, по истории Урарту, в частности посвященные Кармир-Блуре,

и ценный обобщающий труд Г. А. Меликишвили «Наири-Урарту» открыли новую страницу в изучении истории и культуры древнейшего рабовладельческого государства, отчасти расположенного на территории Закавказья.

В последние годы особенно большие успехи были сделаны в области археологического изучения Средней Азии. На юге это было достигнуто деятельностью Таджикской экспедиции под руководством А. Ю. Якубовского и М. М. Дьяконова и Южно-Туркменской экспедиции под руководством М. Е. Массона. Благодаря этим экспедициям прежде всего получили широкое развитие исследования в области древнейших культур. В настоящее время трудами А. П. Окладникова открыты на юге Средней Азии не только остатки среднего и верхнего палеолита, но и древнейшие земледельческие культуры раннего неолита, уходящие, как и в Передней Азии, в мезолитическую древность (материалы пещеры Джебел в прикаспийской части южной Туркмении).

Но особенно большое значение для выяснения места историко-культурного развития племен Средней Азии в общем процессе истории стран Переднего и Среднего Востока имеют исследования Б. А. Куфтина и В. М. Массона на поселениях т. н. культуры крашеной керамики, или культуры Анау. В настоящее время раскопками в Джойтуне, Каахка, Намазга-Тепе, Геоксюре, Кара-Тепе, Артыке и других местах создана картина исторического развития земледельческих общин юга Средней Азии, охватывающая IV, III и II тысячелетия до н. э. При этом в культурно-историческом отношении прослежены соотношения этих памятников с классическими остатками неолитических, халколитических и бронзовых культур населения Ирана, Белуджистана, Индии и Месопотамии. Некоторые поселения вроде Яссы-Тепе и Намазга дали уже для раннего времени халколита многокомнатные дома, украшенные сложнейшей геометрической росписью, живо напоминающей позднейшие украшения храмов Урука и других зданий Месопотамии кануна сложения там первых восточнорабовладельческих государств. Прослеживая шаг за шагом развитие первобытно-общинного строя на юге Средней Азии, археологи выяснили органическую связь со всем предшествующим развитием т. н. культуры Анау IV, подводящей нас к периоду образования первых среднеазиатских государств в VIII—VI вв. до н. э. (см. Труды ЮТАКЭ, т. VII, Ашх., 1956).

К сожалению, пока остается мало освещенной история южных среднеазиатских государств в период их борьбы с Ассирией, Мидией и ахеменидским господством. Сюда должны быть направлены усилия ученых. Зато последующее, эллинистическое время получило свое разъяснение в ряде работ и прежде всего в монографии К. В. Тревер, посвященной греко-бактрийскому искусству. Особенно же широко развернулось за последнее время изучение Парфии в связи с раскопками А. А. Марущенко и М. Е. Массона в старой Нисе. Открытие М. Е. Массоном многочисленных хозяйственных документов на черепках из Нисы и их расшифровка М. М. и И. М. Дьяконовыми и В. А. Лившицем (ср. по этому вопросу работу И. Н. Винникова) способствуют проникновению исследователей в недавно еще покрытые тайной области социально-экономического устройства Парфии—одного из самых своеобразных государств эллинистического рабовладельческого Востока, долго затем влиявшего на все позднейшее развитие культуры Средней Азии. Это ясно видно хотя бы на таких замечательных произведениях искусства, какими являются росписи и скульптуры дворцов и храмов, открытые А. Ю. Якубовским в Пенджикенте и В. А. Шишким в Варахше (см. А. Ю. Якубовский, «Древний Пенджикент», и Труды Таджикской экспедиции).

Далее, большое значение имели раскопки, произведенные советскими археологами на севере Средней Азии, на территории древнего Хорезма,

которыми с 1937 года руководит С. П. Толстов. Там советским археологам удалось найти множество памятников древнекорезмийской культуры, начиная от эпохи неолита и кончая временами средневековья.

В стоянке Джанбас-Кала № 4 было обнаружено много микролитов, а также остатки большого жилища, построенного на деревянных столбах и покрытого камышом, в котором, возможно, обитала целая родовая община, превышавшая 100 человек. Предметы, типичные для найденной здесь культуры, которая обычно называется «кельтеминарской», можно сближать с инвентарем поселения, обнаруженного около Персеполя. В районе левобережного Хорезма по маршруту, параллельному старым руслам Канга-Дарьи — Туны-Дарьи — южный Даудан, были обнаружены стоянки позднеолитической культуры, относящиеся к началу III тысячелетия до н. э. Все эти находки свидетельствуют о существовании в области Хорезма очень древней и вполне самобытно возникшей культуры.

По древним памятникам можно проследить развитие экономики древнего Хорезма от рыболовства и охоты до скотоводства и земледелия, которое было возможно лишь на основе ирригации. Остатки больших каналов, относящихся к VIII—VII вв. до н. э., подтверждают соответствующие описания Геродота и дают своеобразный материал для изучения искусственного орошения на древнем Востоке. Городище Калалы-Гыр, раскопанное в 1953 г., сохранило остатки одной из самых крупных древнекорезмийских крепостей, которая должна была обеспечить господство ахеменидских завоевателей над оросительной системой этого района. Классическим периодом древнекорезмийской культуры были IV—III вв. до н. э. К этому времени относится расцвет древнекангюйского Хорезмийского государства, которое сумело отстоять свою независимость как от Ахеменидской Персии, так и от греко-македонской державы. От этого времени сохранились остатки большого здания, раскопанного экспедицией С. П. Толстова в Кой-Крылган-Кала в 1952 г. Не менее интересны развалины крепостей и укрепленных поселений, относящиеся к первым вв. н. э.

В 1939 г. корезмийская экспедиция обследовала и частично раскопала развалины большого укрепленного поселения Джанбас-Кала, относящегося к кангюйскому и раннекушанскому времени (III в. до н. э.—I в. н. э.). Раскопки обнаружили здесь остатки двух сплошь застроенных жилых массивов, разделенных улицей или длинной площадью, идущей от ворот, которые защищены своеобразной привратной постройкой. Во время этих раскопок, давших ценнейшие материалы, был обнаружен храм огнепоклонников, или, вернее, общинное святилище огня, «дом огня», как позднее стали называть это святилище. Оно помещалось в небольшой угловой комнате, в середине которой находилось овальное возвышение, очевидно, жертвенник.

В развалинах Джанбас-Калы было найдено множество предметов. Среди них следует отметить архаические терракоты со следами древнекоресенидских и раннеэллинистических влияний, ручки сосудов со штампованными львиными мордами, бронзовые трехгранные наконечники стрел позднескифского типа и различные украшения.

Наконец, очень интересны материалы раскопок городища Топрак-Кала. Правильный прямоугольник этого городища (450×270 м) обнесен прочными стенами из древнего кирпича и защищен многочисленными квадратными башнями. Северо-западный угол крепости занимал большой замок правителя, состоящий из двора и огромного трехбашенного донжона, сохранившегося в высоту до 20 метров. Около замка правителя находился городской храм огня, обнесенный мощной двойной кирпичной стеной с проходом внутри. Тут же рядом находилась и обширная базарная площадь. Остальную часть городища занимала жилая часть города,

разделенная на две части улицей. По обе стороны улицы располагались отделенные друг от друга правильными переулками 8—10 кварталов, сплошные жилые массивы, не разделенные на отдельные дома.

Историко-археологическое обследование Средней Азии, произведенное советскими археологами, имеет большое научное значение.

Эти раскопки дали возможность на основании нового богатого материала изучать историю и материальную культуру Средней Азии, где складывалась своеобразная местная культура, особенно интересная для изучения эпохи перехода от родового строя к рабовладению. Поэтому изучение Средней Азии представляет большой научный интерес в связи с изучением истории и культуры древневосточных обществ раннерабовладельческого периода. Средняя Азия, тесно связанная с древним Ираном, Индией и Китаем, несомненно, входила в круг великих древневосточных цивилизаций.

Большое значение для дела изучения истории древнего Востока имело издание и изучение ценных документов и памятников древневосточной культуры, хранящихся в советских музеях. В этом отописании следует прежде всего отметить издание египетского «папируса Прахова», а также знаменитого «Московского математического папируса», предварительное изучение которого произвел академик Б. А. Тураев, а полную публикацию дал В. В. Струве. Издание этого ценнейшего египетского текста пролило новый и яркий свет на проблемы изучения древнеегипетской математики, в частности геометрии. Большой и ценный вклад в науку сделал безвременно умерший талантливый ассириолог проф. В. К. Шилейко, издавший ряд шумерийских, вавилонских, ассирийских и хеттских документов, в частности вотивные надписи шумерийских правителей. Его работу продолжал А. П. Рифтин, издавший старовавилонские документы, хранящиеся в музеях СССР. Акад. И. Ю. Крачковский издал две бронзовые таблички с южноарабскими надписями. А. Я. Борисов опубликовал пальмирские тессеры, мандейскую магическую чашу, надпись Артаксия и другие памятники семитической эпиграфики, Г. В. Церетели — арамейскую надпись, найденную в Армази, И. М. Дьяконов — древнейшую шумерскую надпись, хранящуюся в Эрмитаже, Г. Х. Саркисян — вавилонские таблички наших сокровищ селевкидского времени.

Крупную научную ценность представляют труды акад. В. В. Струве в области изучения демотических документов позднего Египта. Издав три демотических папируса Московского музея изобразительных искусств, автор поставил целый ряд важных вопросов относительно положения фиванского жречества в IV—III вв. до н. э. И. М. Лурье издал целый ряд гиератических египетских надписей. П. В. Ернштедту принадлежит публикация ряда коптских текстов. Советский синолог Ю. Бунаков посвятил ценный труд древнейшим китайским надписям. Особенно много сделали советские ученые в деле издания урартских надписей. Еще акад. Н. Я. Марр дал издание лестописи Сардури. Многочисленные вновь открытые урартские надписи были изданы акад. И. И. Мещаниновым, Г. В. Церетели, Б. Б. Пиотровским, Г. А. Капанцином, Г. А. Меликишвили, И. М. Дьяконовым и другими советскими учеными. Ценнейшим вкладом в изучение урартской эпиграфики явился корпус урартских надписей, изданный Г. А. Меликишвили на страницах «Вестника древней истории».

Большой интерес вызывает работа советских ученых по изучению, переводу и критическому изданию документов, найденных экспедиций под руководством М. Е. Массона, производившей раскопки на городище Нисы на территории древней Парфии. Эти документы, как предполагают И. М. Дьяконов и В. А. Лившиц, написаны на парфянском языке при помощи разновидности арамейской письменности.

Весьма важна также работа советских ученых по критическому изучению и переводу древневосточных документов, хранящихся в зарубежных собраниях. А. Л. Коцойовский дал первый серьезный перевод части «Текстов пирамид», В. В. Струве — перевод Лейденского папируса № 344, И. М. Лурье — египетских юридических документов Нового царства. В статьях И. Н. Винникова были даны новые переводы финикийских надписей, в частности эпитафии Ахирама Библского и новых текстов из Киликии, которые представляют столь большое значение для изучения северной Финикии и круга так называемых «сиро-хеттских культур». Много ценных переводов дано в исследовательских статьях И. М. Дьяконова. Особенный интерес представляет критическое издание переводов шумерских, вавилонских, ассирийских и хеттских законов, выполненное И. М. Дьяконовым, И. М. Дунаевской и Я. М. Магазинером.

Советские ученые, сделавшие большой и ценный вклад в историю народов Средней Азии, не могли обойти сложной проблемы изучения, перевода и издания документов древнеперсидской истории как эпохи Ахеменидов, так и последующих периодов. В этом отношении наибольший интерес представляют переводы клинообразных текстов древней Персии(в частности, Бехистунской надписи и надписи о «дэвах»), сделанные В. В. Струве, А. А. Фрейманом и В. И. Абасовым. А. А. Фрейман помимо того посвятил ряд интересных работ изучению более поздних согдийских документов, сохранившихся, однако, много древних пережитков и в культурно-историческом отношении дающих некоторый материал для изучения поздневосточной античности.

До сих пор еще представляют огромные трудности для изучения и издания важнейшие источники по истории древней Индии и Китая. Однако советские филологи кое-что сделали и в этом направлении. В. И. Калынов издал под редакцией А. П. Баранникова перевод первой книги «Махабхараты». Почти подготовлен к изданию полный перевод «Артхашастры». Над переводом китайских источников много работал акад. В. М. Алексеев. В настоящее время издан перевод 17-ти биографических глав из «Исторических записок» Сыма Цяня, выполненный под ред. Л. И. Думана.

Наряду с этим советские историки, филологи и искусствоведы издали целый ряд памятников древневосточной культуры, которые хранятся в Московском государственном музее изобразительных искусств и в Ленинградском Эрмитаже. Следует отметить издание памятников египетской художественной промышленности и сиро-хеттских памятников Эрмитажа, выполненные Н. Д. Флитнер, магических египетских статуэток, коптской расписной керамики и тканей, предпринятое М. Э. Матье, издание памятников египетской скульптуры, начатое В. В. Павловым и др. Весь этот огромный документальный и историко-культурный материал становится, благодаря трудам советских ученых, достоянием науки и позволяет историкам изучать значительно шире и глубже различные проблемы древневосточной истории.

Обогащение науки о древнем Востоке большим количеством новых археологических материалов, издание и углубленное, критическое изучение первоисточников, главным образом надписей и памятников материальной культуры создало все предпосылки для серьезного изучения советскими историками наиболее важных проблем истории древнего Востока.

Само собой разумеется, что одним из важнейших вопросов древневосточной истории являются вопросы развития экономики и техники. Советские ученые посвятили этим вопросам ряд ценных работ. Следует отметить статью И. М. Лурье о древнеегипетском кожевенном производстве и горном деле и работу Н. А. Шолпо «Ткачество в древнем Египте». Сводка материалов,

касающихся развития техники у различных древневосточных народов, содержится в сборнике статей «История техники на древнем Востоке», вышедшем под редакцией акад. В. В. Струве. Изучение этого вопроса дало обильный материал для восстановления социально-экономических отношений, а также позволило установить тот факт, что материальная культура ряда народов древнего Востока оказала влияние на развитие материальной культуры античного мира.

В изучении истории древнего Востока советские историки особенно много внимания уделили социально-экономическим отношениям и классовой борьбе. Особенно ярко сказалось это при изучении текстов египетских папирусов, содержащих поучения Ипувера и Нофферреху. Эти тексты, которые ранее обычно истолковывались в качестве типичных дидактических произведений, были объяснены советскими историками как литературно оформленные описания крупных народных восстаний, происходивших в древнем Египте в конце Среднего царства. Изучение социально-экономической структуры египетского общества того времени дало возможность советским историкам вскрыть яркую картину классовой борьбы и именно под этим углом зрения истолковать тексты этих папирусов. В этом отношении следует отметить работы В. В. Струве и В. И. Авдиеva, которые на основании анализа указанных текстов дали подробное описание восстаний бедняков и рабов в древнем Египте, происходивших в конце Среднего царства. И. М. Лурье описал в двух статьях восстания фиванских ремесленников в 29 г. Рамсеса III на основании Туринского папируса, изданного Ботти и Питом в 1928 г. За последние годы особенно подробно обсуждался вопрос о социальных терминах, который при правильном подходе может подвести исследователя к решению сложной проблемы установления типа производственных отношений в древности.

Самым крупным достижением советской исторической науки были постановка и разрешение важнейшей проблемы о типе производственных отношений, существовавших у древневосточных народов. Советская историческая наука, опираясь на весь собранный в течение многих лет фактический материал, должна была со всей четкостью поставить вопрос об основном классовом антагонизме и о специфических формах классовой эксплуатации и классовой борьбы в древнейшем рабовладельческом обществе, наиболее четкий образец которого историк находит на древнем Востоке. В связи с этим поднимался важнейший принципиальный вопрос о том, как возникло и какую форму принимало у различных народов древнейшее классовое общество и государство, в частности на древнем Востоке. Однако полный и правильный ответ на этот вопрос был дан далеко не сразу.

Советские историки подошли к разрешению этой проблемы с различных сторон. Акад. В. В. Струве, подвергнув тщательному анализу древнешумерские документы хозяйственной отчетности в своей статье «Рабовладельческая латифундия в Сумири III династии Ура» (1934 г.), показал, что в Южной Месопотамии уже в эпоху III династии Ура существовало рабовладельческое общество. В целом ряде своих последующих работ акад. В. В. Струве установил, что и в других древневосточных странах основной формой классовой эксплуатации было рабовладение. Тогда же В. И. Авдиеv в своей работе «Сельская община и искусственное орошение на древнем Востоке» (1934 г.), основываясь на изучении первоисточников, показал существование на древнем Востоке древнейших форм примитивного, патриархального, домашнего рабства при наличии сильных пережитков древней сельской и семейной общины. Акад. Н. М. Никольский, сосредоточив свое внимание на изучении ренты-налога, сельской общины и частного землевладения в древнем Двуречье, доказывал существование как общин, так и общинного землевладения в древней Месопотамии.

Наконец, над этими проблемами работал и акад. А. И. Тюменев: «Хозяйственный персонал храма Бау в Лагаше времени Урукагины», «Формы земельных отношений по надписи обелиска Маништусу» и др.

Капитальным трудом по истории социально-экономических отношений древнего Шумера является книга А. И. Тюменева «Государственное хозяйство древнего Шумера» (М., 1956), в которой автор, подробно описывая храмовое и энсиальное хозяйство Шумера в разные периоды его истории, а также царское хозяйство времени III династии Ура, выдвигает тезис о преобладании государственного хозяйства над частновладельческим в странах древнего Востока и вполне правильно утверждает, что в этих странах рабовладельческая эксплуатация переплеталась с эксплуатацией основного населения страны, т. е., очевидно, свободных масс трудового населения.

В этом труде А. И. Тюменев отмечает, что «факт существования в странах древнего Востока... рабовладельческого строя является теперь общепризнанным в советской науке» (стр. 15).

Наконец, археологические материалы раскопок на территории древнего Хорезма дали возможность С. П. Толстову прийти к заключению, что и у древних народов Средней Азии возникли аналогичные формы древнейшего патриархального рабства и своеобразной древневосточной деспотии. Вскоре эта историческая концепция получила полное и общее признание. К вышеуказанным исследователям примкнул целый ряд специалистов, в частности С. И. Ковалев, М. А. Коростовцев, И. М. Лурье, М. Э. Матье, В. К. Никольский, А. В. Мишулин, А. Б. Ранович, Д. Г. Редер, А. П. Рифтин, Р. И. Рубинштейн, Ю. П. Францов, Н. А. Шолпо и др. Таким образом, в советской историографии укрепился тот взгляд, что специфической чертой древневосточного общества было примитивное рабовладение со специфическими в отдельных случаях пережитками древних сельских общин. Углубленному изучению этих проблем был посвящен ряд оригинальных исследовательских работ. Акад. В. В. Струве дал несколько работ в области изучения социальных отношений у древних хеттов, шумеров, в Ассирии и в Персии. Н. М. Никольский сосредоточил свое внимание на специальном изучении частного землевладения и землепользования в древнем Двуречье, посвятив этой проблеме специальную монографию (1948 г.). Проблемами социально-экономических отношений в Двуречье много занимался И. М. Дьяконов (статья в ВДИ, монография «Развитие земельных отношений в Ассирии»). В. В. Струве посвятил ряд работ вопросу о социально-экономических отношениях у хеттов. В работах Г. А. Меликишвили устанавливается наличие рабовладельческих отношений в Урарту. Д. Г. Редер исследовал вопросы рабовладения в храмовом хозяйстве Египта Нового царства; Р. И. Рубинштейн — вопросы классовой борьбы в Египте начала Среднего царства по материалам поучения гераклеопольского царя. Н. Б. Янковская посвятила ценную работу социально-экономическим отношениям в Аррапхе (Нузу). Ряд чрезвычайно интересных и содержательных статей, посвященных истории рабовладельческих обществ Северной Сирии и Финикии, в частности Угарита и Алалаха, опубликовал за последние годы М. Л. Гельцер. Однако советские историки далеки от того, чтобы схематизировать производственные отношения в странах древнего Востока. Признавая большое значение пережитков родового строя и патриархата, а также разнообразных форм эксплуатации труда свободного населения, советские специалисты посвятили этим вопросам ряд статей. Таковы работы М. Э. Матье «Из истории семьи и рода в древнем Египте» (ВДИ, 1954, № 3), И. М. Лурье «Рабы — держатели храмовой земли (по материалам Нового царства)»; И. Д. Амусина «Народ земли. К вопросу о свободных земледельцах

древней Передней Азии». Однако теперь уже ни один советский историк не согласится ни с теорией циклизма, ни с отдельными предположениями о существовании феодализма, капитализма или «социализма» в странах древнего Востока, в которых на развалинах родового строя уже за несколько тысячелетий до н. э. возникло древнейшее рабовладельческое общество и деспотическое государство. Даже в Египте, где в течение очень долгого времени сохранялись многочисленные пережитки прошлого, рабовладельческая эксплуатация труда получила, особенно в период Нового царства, широкое распространение. Этот несомненный факт был установлен в трудах советских египтологов. Многие зарубежные ученые, как например Г. Л. Зейдлер и Т. Анджевский в Польше или А. М. Бакир в Египте, посвятивший изучению этого вопроса большой труд «Рабство в фараоновском Египте» (Каир, 1952), постепенно приходят к признанию этой концепции.

Ряд специальных работ был далее посвящен изучению военной истории древневосточных народов, главным образом, проблеме захватнических войн крупных древневосточных деспотий, целью которых был в первую очередь захват плебиев, обычно обращавшихся в рабство. В этой связи следует отметить статьи Б. Б. Пиотровского и С. М. Бациевой, посвященные борьбе между Ассирией и Урарту, а также книгу В. И. Авдиева «Военная история древнего Египта» (т. 1, М., 1948).

Большое значение для каждого историка при изучении политической истории имеют хронология и все связанные с нею проблемы. В связи с этим особенную ценность приобретают исследование В. В. Струве о древнеегипетском историке Манефоне, его обстоятельные статьи, посвященные пересмотру древнеегипетской и вавилонской хронологии, а также статья Н. А. Шолпо, в которой разбирается вопрос о возникновении древнеегипетского календаря.

Советские историки затронули также сложные и малоизученные вопросы древневосточного законодательства и образования аппарата государственной власти (статьи И. М. Лурье и Н. М. Постовской по вопросам законодательства и возникновения государства в Египте, И. М. Дьяконова и Д. Г. Редера о формах государства в Передней Азии в древнейший период).

Много внимания было уделено вопросам истории древней Персии. А. А. Фрейман посвятил специальную работу древнеперсидскому календарю. Ряд исследований посвятил истории древней Персии акад. В. В. Струве, изучавший надпись Ксеркса о «эдвах», вопрос о родине зороастризма, а также политические течения в Персии в эпоху Дария I. Особые статьи В. В. Струве посвятил датировке Бехистунской надписи, а также вопросу о «Новых данных по истории Армении, засвидетельствованных Бехистунской надписью», подвергнув глубокому историческому и филологическому анализу важнейший источник по истории древней Персии эпохи Ахеменидов. Много ценных работ, посвященных истории Передней Азии в позднеантичный и раннесредневековый период, опубликовала Н. В. Пигулевская. Большой интерес, возможно в связи с открытием парфянских надписей из Нисы, вызвала к себе в настоящее время история Парфии. А. Г. Периханян осветила в особой статье вопрос о рабовладении и землевладении в Иране парфянского времени. Таким образом, уже создаются предпосылки для составления обобщающего труда, посвященного историческому развитию народов древнего Ирана. Селевкидской Вавилонии посвящены статьи Г. Х. Саркисяна и Н. В. Пигулевской.

Особенно важно в наши дни изучение истории культуры и связанной с этим проблемы культурного наследства. Этим в значительной степени объясняется то внимание, которое уделяли советские историки

вопросам культурной истории древневосточных народов. Целый ряд специалистов принимал участие в издании культурно-исторических памятников древнего Востока, причем одной из очередных задач является изучение древнеегипетской литературы, в частности создание обобщающего труда по истории литературы древнего Египта. Были написаны отдельные монографии, посвященные изучению различных видов древнеегипетской литературы, как, например, работа Ю. П. Францова о древнеегипетских сказках или книги М. Э. Матье о мифах древнего Египта. Советские историки не смогли пройти и мимо богатой вавилонской литературы. Благодаря точным и в то же время высокохудожественным переводам В. К. Шилейко ряд произведений вавилонской поэзии стал достоянием русских читателей. В. В. Струве посвятил специальную статью интереснейшему произведению вавилонской литературы «Диалог господина и раба», вскрыв в нем глухое отражение классовой борьбы. Исторический анализ этого диалога позволил использовать его для характеристики социальных отношений в древнем Вавилоне в эпоху Хаммураби. А. И. Тюменев дал интересный разбор пумерийских и вавилонских мифов, затронув специальный вопрос о «предназначении людей». И. М. Дьяконов посвятил особую статью изучению одного вавилонского политического сочинения VIII—VII вв. до н. э. Наконец, Н. М. Никольскому принадлежит ряд ценных статей о библейской литературе. В одной из них автор вскрыл следы магической литературы в книге псалмов.

Изучению древневосточного искусства в значительной мере способствовало наличие ценнейших художественных коллекций Государственного Эрмитажа в Ленинграде и Музея изобразительных искусств в Москве. Прекрасные подлинные образцы художественного творчества древневосточных народов, хранящиеся в этих музеях, дали возможность советским ученым глубоко изучить ряд проблем, связанных с развитием древневосточного искусства. Публикуя в различных изданиях художественные сокровища наших музеев, советские ученые в то же время поднимали и ряд специальных вопросов, имевших целью в конечном счете построить научную концепцию древневосточного искусства.

Большое принципиальное значение имеет изучение древнеегипетской архитектуры. Не меньшее значение представляет и изучение египетской скульптуры, в частности портретной, прекрасные образцы которой хранятся в советских музеях. В. В. Павлов посвятил изучению египетской скульптуры ряд статей и особое исследование «Скульптурный портрет в древнем Егилте». Даже отдельные специальные проблемы подвергались советскими учеными детальному и глубокому изучению (статьи И. М. Лурье об элементах животного эпоса в древнеегипетских изображениях и М. Э. Матье о роли личности художника в искусстве древнего Египта).

Изучение ряда отдельных проблем древневосточного искусства позволило советским ученым приступить к составлению обобщающей истории искусства народов древнего Востока. Этую большую задачу взяли на себя научные коллективы Ленинградского Эрмитажа и Московского музея изобразительных искусств. Отдельные общие очерки древнеегипетского искусства были составлены М. Э. Матье, Н. Д. Флитнер и В. В. Павловым. Н. И. Брунов посвятил архитектуре народов древнего Востока большой раздел в I томе своих «Очерков по истории архитектуры» (М., 1937). Хорошо иллюстрированный труд, посвященный архитектуре древнего Востока, был издан Академией архитектуры. Изящный атлас «Египет. Архитектура, скульптура и живопись» (М., 1944), подготовленный В. Н. Владимировым и снабженный специальной статьей о «Пропорциях в египетской архитектуре», был напечатан после смерти автора.

Далее, заслугой советских ученых является постановка и разрешение

ряда новых вопросов в области изучения древневосточных религий. Пользуясь материалами, накопленными ранее, и опираясь на изучение ценнейших коллекций древностей, хранящихся в музеях Москвы и Ленинграда, советские историки не ограничились изучением историко-религиозных проблем, но в значительной степени разрешали их, вскрывая классовую основу религиозных верований. В этом отношении особенно важной была работа Ю. П. Францова «Фетишизм и проблема происхождения религии» (М., 1940), в которой автор показал характерные черты древнейшего фетишизма в связи с проблемой происхождения религии. Социальный характер древнеегипетской религии был вскрыт в статье В. В. Струве «Социальная проблема в заупокойном культе древнего Египта» и в работе М. Э. Матье «Религия египетских бедняков» (Л., 1926), а также в статье В. И. Авдиева «Идеология обоготовления царя и царской власти в древнем Египте» (1935). Историческому анализу были подвергнуты отдельные источники, отдельные стороны и этапы в развитии древнеегипетской религии. М. Э. Матье в исследовании 1948 г. предложила новый порядок чтения такого важного источника, как «Тексты пирамид», и внесла много нового в изучение переведенных ею на русский язык древнеегипетских мифов. Специальную статью тот же автор посвятил египетскому празднику хеб-сед. И. Г. Лившиц опубликовал статью «Новый вариант мифа о рождении и гибели солнца». Важнейший государственный кульп древнего Египта, кульп фиванского бога Амона, был изучен И. Г. Франк-Каменецким в ряде работ. Наконец, В. И. Авдиев, подвергнув изучению древнеегипетские сцены триумфа и сцены бальзамирования, сделал попытку дать общий очерк исторического развития древнеегипетской религии, основанный на изучении важнейших источников, в том числе «Книги мертвых», и, в частности, неизданных гиероглифических папирусов с текстами из этого сборника.

Советские историки изучали, далее, историю древнееврейской религии на основе научной библейской критики. Они ставили своей целью изучение и проверку библейского текста при помощи всех имеющихся в распоряжении историка источников и твердо установленных фактов. В этом отношении большой вклад в науку сделал акад. Н. М. Никольский, подвергший специальному изучению вопросы о крестьянском мессианизме в пророчествах VIII в., праве убежища в древнем Израиле, деятельности иудейских монархомахов VIII в., кульп керубов по данным Библии и восточной археологии, происхождении юбилейного года и целый ряд других проблем. Обобщающий труд в области изучения древнееврейской религии принадлежит А. Б. Рановичу. К этим трудам советских ученых тесно примыкают и их работы в области изучения финикийской религии. Недавнее опубликование религиозных текстов, найденных в Рас-Шамра, дало возможность советским историкам приступить к их изучению. Акад. Н. М. Никольскому принадлежит ряд статей и монография «Этюды по истории финикийских общих и земледельческих культов» (Минск, 1948), пролившие новый и яркий свет на важнейшие проблемы изучения финикийской религии. Вопрос о земледельческих культурах древней Месопотамии разобран в содержательной статье Н. Д. Флиттнер.

Углубленное изучение отдельных видов древневосточной культуры дало возможность советским историкам самостоятельно и по-новому подойти к вопросу об общей оценке древневосточной культуры в общехistorическом масштабе, а также к проблеме влияния древневосточной культуры на культурное развитие античного мира.

Эта важнейшая проблема культурного наследства могла быть поставлена во всю ширь только советской наукой, не признающей исторического

права отдельных народов или «рас» на политическое или культурное господство.

Изучение конкретной, фактической истории древнего Востока на основании тщательного анализа первоисточников и применения марксистско-ленинской методологии дало возможность советским историкам не только поставить ряд общих принципиальных проблем, но и подвергнуть сокрушительной критике реакционные теории, как, например, теорию циклизма, теорию извечной «застойности» и культурной «отсталости» восточных народов, теорию миграций, а также разоблачить фальсификации, при помощи которых пытались обосновать расистские лжеучения. В процессе этой критики советские историки доказали, что история не знает «чистых рас», что не существует «низших» и «высших» рас и народов, из числа которых, как это утверждали раньше расисты, и как это утверждают теперь реакционные историки, одни, якобы, предназначены для господства, а другие — для угнетения и эксплуатации.

С большой смелостью и широтой советские историки выдвинули, далее, проблему этногенеза древневосточных народов. Особенное внимание было ими при этом обращено на изучение древнейших народов, населявших территорию Кавказа, Средней Азии и прилегающих к ним областей. Таким образом, древнейшие племена Кавказа и Средней Азии были выдвинуты в круг исторических народов древнего Востока. Наконец, описанные выше археологические открытия Б. А. Куфтина показали, что на территории Грузии уже за две тысячи лет до н. э. жили древние и культурные племена, искусство и материальная культура которых были близки к культуре древнейших народов Передней Азии. Эти достижения советских ученых открывают новую страницу в истории древнего Востока, устанавливая тесную связь между древними народами Кавказа и Средней Азии и народами древнего Востока. В связи с этим совершенно заново было поставлено изучение истории древнейших народов, населявших территорию Армении, Грузии и Азербайджана. В ряде работ акад. А. Г. Карапетян установил наличие тесных связей между языком и религиозными верованиями древних хеттов, урартов и древних армян. В своей большой работе «Хайаса — колыбель армян» (1948) этот исследователь пытается решить трудную проблему этногенеза и начальной истории армян, предположительно помещая район их первоначального расселения в древней стране Хайаса, расположенной между Эрзерумом и Трапезундом. В дальнейшем этой проблемой занимались С. Т. Еремян, Б. Б. Пиотровский и И. М. Дьяконов. Археологические работы, в частности раскопки, произведенные в Гарни, результаты которых были опубликованы Б. Н. Аракеляном, пролили яркий свет на историю древней Армении. Материалы этих раскопок, а также эпиграфические памятники позволили К. В. Тревер составить ценный труд «Очерки по истории культуры древней Армении» (1953). С. Т. Еремян и Г. Х. Саркисян посвятили несколько статей описанию городов, городской жизни и городской общины древней Армении. Большое значение имеет вопрос о формах землевладения в древней Армении в период распада рабовладельческого строя. Этому периоду посвящена статья А. Г. Периханян, касающаяся положения держателей царской земли (востанников). Ряд исследований позволил акад. Я. А. Манандяну подвести итоги своих многолетних работ в труде «Критический обзор истории армянского народа» (том I, Ереван, на арм. яз., 1945). Наконец, большие обобщающие труды посвятили «Истории древнеармянской литературы» М. Абегян и истории армянского театра Г. Гоян (т. I, М., 1952).

Много было сделано и грузинскими археологами, историками и филологами для изучения истории древнейших народов, населявших террито-

рию Грузии. Большой материал в этом отношении дали раскопки И. И. Мещанинова в Абхазии в 1934 г., результаты которых были изданы Б. А. Куфтиным в 1949 г. Особенное значение имели раскопки самого Б. А. Куфтина в Триалети, окоторых подробнее было сказано выше. Наконец, весьма ценные результаты дали раскопки в окрестностях Мцхета, которыми руководил сперва акад. И. А. Джавахишвили, а впоследствии акад. С. Н. Джанашия. Здесь, около Армази, были обнаружены памятники древнегрузинской культуры, восходящие к первым векам н. э., в частности снабженная богатым инвентарем гробница птиахша Аспаруга. Далее, около Мцхета были обнаружены развалины древней крепости, расположенной на горе Багинети. К сожалению, далеко не весь обнаруженный историко-археологический материал опубликован и изучен. В 1955 г. опубликован на грузинском языке I том «Мцхета. Итоги археологических исследований», и краткий очерк «Археологических раскопок в древнегрузинской столице Мцхете» дал не так давно на русском языке Г. А. Ломтадзе (Тбилиси, 1955). Все эти материалы и новые исследования позволили поставить ряд вопросов, связанных с этногенезом и древнейшей историей Грузии, представляющей большой интерес. Много поработал в области урартологии сперва И. И. Мещанинов, а затем Б. Б. Пиотровский, написавший много ценных трудов по истории Урарту, в частности большое исследование «История и культура Урарту» (Ереван, 1944). Глубоко продуманное изучение вопросов истории Урарту, в особенности этногенеза и топонимики, а также социально-экономической истории, предпринятое в ряде специальных статей, постепенно подвело Г. А. Меликишвили к составлению большого обобщающего труда «Наири-Урарту» (Тбилиси, 1954), который вместе с упомянутыми выше корпусом урартских надписей и их грамматикой, опубликованными в ВДИ, удостоен Ленинской премии.

Ценные результаты дали раскопки в Мингечауре (Азербайджан), где был обнаружен некрополь, существовавший с эпохи бронзы и до парфянско-римского времени. Здесь были найдены наслоения трех видов погребений: кувшинных погребений, грунтовых погребений скорченных костяков и грунтовых погребений вытянутых костяков. Найденные здесь памятники материальной культуры, в частности драгоценности, дали возможность азербайджанским ученым поставить вопрос о близости найденных памятников к памятникам мидийской культуры. Эти находки стимулировали развитие научного интереса к истории древней Мидии. Перу азербайджанского историка И. Алиева принадлежит недавно напечатанная статья «О мидийском обществе» (Баку, 1948). Большой, отчасти специальный, а отчасти обобщающий труд И. М. Дьяконова «История Мидии» (1956), заполняет одно из белых пятен в древней истории народов Передней Азии.

Несомненно, крупным шагом вперед в деле изучения древней истории народов Средней Азии является выход в свет обстоятельной «Истории таджикского народа» Б. Г. Гафурова (2 изд., М., 1952), «Истории народов Узбекистана» и «Истории Туркменской ССР», составленных коллективами ученых-специалистов. Соответствующие разделы в первых томах этих больших трудов непосредственно затрагивают важнейшие вопросы о связях между народами Средней Азии и странами древневосточного мира. Само собой разумеется, что древняя история народов Средней Азии особенно тесно связана с историей Индии и Китая; именно в этой области советские историки и филологи создали целый ряд порой очень содержательных исследований.

Н. И. Конрад издал перевод трактата Сунь-Цзы, снабженный обильным комментарием, Т. В. Степугина описала социально-экономические

отношения в период Инь (XIV—XII вв. до н. э.), Л. В. Симановская изучала периодизацию древней истории Китая (1950 г.), наконец, Л. И. Думану принадлежит ряд работ по разным вопросам древнекитайской истории.

Г. Ф. Ильин в ряде статей подверг изучению сложный и запутанный вопрос о рабстве и кастах, в частности о касте шудр в древней Индии (1950—1951 гг.). Прежде всего скончавшийся ученый Д. А. Сулайкин посвятил интересную работу вопросу о классовой структуре древнеиндийского общества.

Изучение первоисточников, а также постановка крупных и важных исторических проблем позволили советским историкам подойти к серьезной и ответственной задаче создания обобщающих работ, главным образом в форме университетских курсов лекций и учебных пособий. Уже в 1936 г. стали появляться первые труды, обобщающие историю древнего Востока, которыми можно было пользоваться в качестве учебных пособий. Авторы этих трудов (В. В. Струве, История древнего Востока, Л., 1941; В. И. Авдиев, История древнего Востока, 1 изд., М., 1948; 2 изд., М., 1953) стали вводить в круг древневосточных стран Индию и Китай, разрушая таким образом старую и предвзятую теорию существования «исторических» и «неисторических» народов и выступая против резкого противопоставления средиземноморского мира — Южной и Восточной Азии. Преодолевая старые реакционные европоцентристские схемы мировой истории, авторы этих обобщающих трудов ставили и частично разрешали проблему культурного наследия, которое древневосточные народы оставили античному миру и народам средневекового Востока. И наряду с этим первенствующее значение приобретала проблема закономерного развития определенных типов производственных отношений: все яснее становился тот путь, по которому проходили в своем развитии от родового строя к рабовладению различные древневосточные народы, населявшие огромную территорию от Тихого океана на востоке и до великих песчаных пустынь Сахары на западе. Эти обобщающие труды легли в основу специальных учебников, учебных пособий, атласов, исторических карт и хрестоматий, которыми систематически снабжаются средние и высшие школы. И. Снегирев и Ю. Францов в своей научно-популярной книге «Древний Египет» сделали попытку дать общий очерк истории древнего Египта, положив в его основу достижения советской науки.

В особом журнале «Преподавание истории в школе» печатаются статьи, посвященные вопросам методики преподавания древней истории. Обращено внимание на издание отдельных произведений художественной литературы, дающих яркие картины жизни древневосточных народов.

Работы советских ученых в области истории древнего Востока за последние годы обобщены в большом коллективном труде «Всемирная история» (том I, М., 1955, т. II, М., 1957), в которой история древневосточных народов показана в хронологической связи с историей первобытного общества и с историческим развитием древней Греции.

Даже этот краткий обзор, вовсе не претендующий на исчерпывающую полноту, показывает значительные достижения советской науки в области истории древнего Востока, полученные главным образом благодаря тому, что единственную правильную марксистско-ленинскую методологию открыла перед советскими историками новые грандиозные перспективы плодотворной научной работы.

